

**ТРИ
МОЛОДЦА ▾
ТРИ
МУДРЕЦА**

Коротко об авторе

А. И. ШАДАЕВ
(1902—1969)

Одним из зачинателей бурятской советской литературы Аполлон Иннокентьевич Шадаев известен как драматург и сказочник. Еще в 20-е годы писал небольшие пьесы для кружков и коллективов художественной самодеятельности. А с образованием в начале 30-х годов профессионального бурятского драматического театра сочинял уже многоактные пьесы. Его комедию «Мэргэн», музыкальную драму «Баяр» и сейчас изучают на родном языке в школах автономной республики.

В 30-е же годы А. И. Шадаев часто ездил в фольклорные экспедиции по селам Бурятии, записывая улигеры — сказки, легенды и предания от народных умельцев-сказителей. А потом из своих записей создавал книги сказок. Их читали взрослые и дети. Еще в 1941 году Аполлон Иннокентьевич Шадаев выпустил книгу «Сборник сказок и преданий», другие два больших сборника «Предания, легенды» и «Золотое яйцо» вышли в 50-х годах. Для детей свои сказки он объединил в небольшие книжки «Сюда зверей» (1947 г.) и «Волшебный камень» (1958 г.). К сожалению, при жизни автора ни одна из сказок не была переведена на русский язык.

Пересказывая заново, по-своему, в сказках А. И. Шадаев бережно сохранял все из достоинства — прелесть меткого народного слова, свободу вымысла, юмор. Ну а главное, пожалуй, народный дух, народный образ жизни. Героями сказок А. И. Шадаева чаще всего бывают трудолюбивые, стойкие в жизни, смекалистые, прилежные в труде, умные и веселые на миру простые сельские жители. К ним автор питает особую симпатию, восхищается ими, сочувствует их страданиям. Мораль в сказках А. И. Шадаева чаще всего заключена в самой изображаемой жизни, в рассказываемом сюжете, и входит она в сознание детей просто, ненавязчиво.

Ю. И. Будаев

ТРИ МОЛОДЦА, ТРИ МУДРЕЦА

Говорят, в старое время, когда еще ханы были, жили в одном бурятском улусе три братца, три молодца. Жили будто в долине степной речки Кудун, а может, и в другом месте; не столь важно, так как этот улигер вы услышите и в долинах больших рек Онона и Ангары. Известно, в народе молва впереди всех бежала, была или небыль разглашала. Про тех братцев одни говорили, что они сыновья бедняка Гурбалдая, другие думали, будто они просто родом из улуса того же названия. Так ли, не так, однако прозвали трех молодцов еще и мудрецами. Об этом и сказка эта — о трех братцах, о трех мудрецах.

Бывают на свете люди, будь то взрослые или малые, а все одно: не умеют слушать других, услышанное в толк не берут; не умеют они и путем смотреть — терпенья не хватает; такие и знать ничего не знают, и думать не приучены, а в чем их уверяешь, того не понимают. А коль сойдутся вместе, все враз говорят, каждый тычет другому, мешает...

Наши молодцы не такие. Старший-то, видать, был лет не более двадцати, а меньшие — погодки, но каждый оказался не по годам смыслен. Они умели то, чего шуму и по сне не приснится: угадывали все, что глазами не видали, слыхом не слыхали и в руках не держали.

Молоды они были, дерзки и жили тогда еще без оглядки. Летом занимались к богачам работать, а зимой жили тем, что заработали. Однажды весной прибыли втроем на дальнюю бурятскую заимку: прослышали, пастухи нужны хозяину. Но опоздали, тот нанял другого и уже выгнал скотину на зеленое пастбище. Раньше буряты все лето кочевали за старой овец по степи, жили семьей на летнике, а поздней осенью возирались на зимники. Потому-то, когда прибыли наши молодцы, зимник пастуха оставлен был до первых снегов. Хозяина деревянной юрты они до того не видали, про то не слыхали, но догадаться было проще простого. Делать нечего, решили переночевать в той самой юрте.

А на завтра поутру раньше всех встал старший брат и зычным, озорным криком разбудил меньших:

— Эй, удалыцы-молодцы, будет спать, пора и глаза продрать!

Ветренулся ото сна другой брат.

— Что ты нынче такой развеселый? Хозяина, что ли, повидал, а он тебе радости прибавил — работу по душе пожаловал?

— Хозяина в глаза я не видал, — отвечает старший брат, а сам чешет лоб, раздумывает. — А все же кое-что про него распознал.

— Ну, так расскажи нам, чтоб и мы про хозяина знали.

И говорит тогда старший брат:

— Стар человек или молод, ленив ли, проворен — не видал; а только чую: хоть и зряч он, да не зорок. А может, и вовсе слеп на левый глаз.

— Эх, стоило ради чего сон тревожить, — отозвался средний брат. А делать-то нечего, уже солнце поднялось, эквось дымоход слепит глаза. И пошел он на двор.

А когда воротился тот, старший брат смотрит на него, усмехается и поддевает, подначивает его так:

— Ну, как живет-поживает хозяин, по-твоему? Не набрал ли ты на клад хозяйский, не держал ли ты его добро в руках?

— Нет, не пришлось мне дорогих его товаров щупать, ни золота, ни серебра хозяйского в руках держать, а потому мудрено мне гадать, — отвечает нехотя средний брат. Но по ухмылке старшего смекнул к чему клонит тот: хитер-мудер, надо догадку высказать не лукавя. Тогда и сказал он братьям:

— Думаю, живет он сытно, хотя не богато. И всего-то добра у него — живаность во дворе: кобыла с жеребенком-сосунком да серая лайка.

Потом настал черед и младшего брата своей догадкой поделиться. Обернулись к нему братья, а он еще сладко потягивается, сидя на деревянной обшарпанной кровати в глубине юрты. Пристали они к нему:

— Ну, а ты что помалкиваешь?

Зевнул раз-другой младший брат, тряхнул головой, отгоняя сон, и, взбодрясь, наконец говорит:

— Хозяина вы не видали, но про него все же признали; добра его не держали, однако про богатство угадали. А мне что же остается? Разве про хозяйку что сказать?

— Так ведь ты про нее ничего не слыхал, тем паче очами не видал! — усомнились тут старшие.

Но тут поглядил макушку младший брат, почесал затылок, подумал малость, да и отвечает:

— Верно, по-вашему, молода ли она, пригожа — не видал; ласкова ли, добра — не слыхал, а только, сдается мне, стара она и хромоножка притом.

Спорить не стали братцы, поверили на слово, тем временем собрались в путь, чтоб найти хозяина юрты и удостовериться так ли всё на самом деле, как сказывал тут каждый.

Далеко в степи, на летних вывасах, повстречали пастуха того. Был он стар, весь в морщинах на медном

от загара и ветра лице. И, в самом деле, левый глаз его совсем потух, закрыт был, словно веки там спростились во все. Старик медленно вел на поводу серую кобылу, а рядом семенил тонконогий жеребенок, терся о круглый, словно бочка, живот матки. Старик давно остановился, поджидая путников. Ответив на приветствия, тут же пригласил их сесть на травку, сам принялся курить трубку. Молча пыхтит, разглядывая молодцов одним подслеповатым глазом, выжидает — у бурят не принято задавать первым вопросы гостю. Братцы благодарят хозяина за ночлег в его юрте, как водится у пастухов в степи, вежливо спрашивают о том, как жируют овцы, как здоровье его самого. Спросили о семье. Старик показал чубуком трубки в сторону подножья горы, где принялась его юрта. Там хозяйничала его старуха. «Заходите, чаю попьете с дороги», — пригласил старик.

У войлочной юрты дымился костер, над которым висел котел, исходя паром. Тут же копошилась седая старуха, полоча левую ногу. Навстречу путникам выскочила, обляяв их, серая полинявшая собака. Старуха досадливо цыкнула на нее, замахнувшись деревянным черпаком, и та, поджав хвост, обиженно удалилась.

Пока отдыхали с дороги, пока пили, отдуваясь, горячий дымный чай, три молодца весело перемигнулись меж собой, а потом пристали к старшему: расскажи да растолкуй, как он узнал-угадал, что хозяин юрты слеп на левый глаз.

— Узнать про тот его глаз мне было не так трудно. Сначала я обратил внимание, как безобразно захлампен левый от входа угол юрты. Кажется, еще крыша как раз там протекает, сыростью оттуда несет. А глядя хозяин в оба глаза, навел бы там такой же порядок, какой поддерживает на правой от входа стороне, где, видать, он сам и проживает. Потом заметил, во дворе сухой лошадиный кизяк собран только по правую руку от тропки. А слева вплоть до коновязи весь этот сухой аргал так во дворе и не тронут. Вот и подумал тогда: он слеп на левый глаз. Так оно и вышло теперь. Ну, а ты как

догадался, что у старика есть кобыла с жеребенком-сосуном, лайка, да еще и серая, — ведь в ту пору собака во дворе не лаяла, лошадь не ржала у коновязи?

Это он спрашивает уже среднего брата, а тот отвечает, мол, все было довольно просто:

— Любая тварь оставляет за собой следы или запахи. Вот ты аргал приметил, где и как оставлен, а по всякому навозу и я скотину различаю. Найти же в собачьей норе-конуре клочок шерсти и вовсе труда не стоит, какого цвета она, собака-то, такова и шерсть. Про жеребенка узнал по следам маленьких копытцев рядом с крупными лошадиными, чего тут не понять, кто вертелся около матки... Вот и вся моя отгадка.

— И верно, — согласились братья.

— Однако мудренее всего ты сказал про старуху, ну-ка расскажи, как да почему угадал, — приступили теперь к младшему.

— Видели же, спать мне пришлось на ее кровати, — начал он. — Во сне почему-то я все скатывался набок, неловко было. Утром разглядел, кровать-то скособочена на одну ножку, чуть вдавлена в землю. Хотел поправить, да вижу, войлок у изголовья с этого же боку продавлен, образовалась аж круглая такая ложбинка на том войлоке. Думаю: когда вставала старуха, всегда в том месте локтем упиралась, подымала себя, боясь потревожить хроющую ногу. В том же неприбранном углу валяются ее зимние унты, и точно, левая пятка была совсем сношена. Догадался, волочит она левую ногу, хромонога. А что, неправда? — лукаво шурит глаза младший брат.

Захохотали втроем, посмеялись вместе.

Разговор этот услышала старуха, не понравилось ей, как братья с усмешкой да ухмылкой говорят про нее со стариком. Передала она все слово в слово, да еще своей злости и обиды приплела. Рассердился старик: «Ах, наглцы этакие, в глаза благодарят, а за глаза просмеивают! Сами-то они в латаных штанах, а еще смеют над

чужой бедностью потешаться?! Ну, я так этого не оставлю!»

И донес старик на братьев хану, попросил его наказать за обиду, а тот хан и рад стараться власть свою показать — не старику бедному угодить, а силу свою доказать, народ в покорности держать. Приказал хан доставить к нему братьев-странников — слуги тут же пригнали их во дворец. Хан сам устроил им допрос строгий:

— Что, добры молодцы, ума пытаете или от дела убегаете?

Братья в один голос отвечают:

— А мы таковские: угадываем то, чего не знали; узнаём то, чего не видели; сказываем и про то, о чем не слышали.

Крепко удивился хан, всю жизнь с умными знался, мудрецов во дворце держал, магов-волшебников разных там китайских, индийских знавал, не только монгольских, а вот такой хитрости-премудрости не ведал. Однако виду не показывает, с чего, мол, хану унижаться перед бродягами-наглецами, все так же смотрит на них с высоты своего кресла, выжидая по-прежнему, молчит и ждет, что же дальше изрекут, чем похвастант или его царственную особу образуют.

Три молодца, три мудреца тогда опять ему говорят:

— Пришлось нам заночевать в пустой юрте пастуха вашего, коневника. Сами его мы сроду не видали, а угадали слепоту его на левый глаз. Во дворе-то слухом не слышали ни лая собаки, ни ржания коня, а узнали, что собака у хозяина юрты серая, а кобыла с жеребенком. А еще сказали про его старуху, не зная ее, мол, хромоножка она. Видать, обиделась на нас. Но неужели за это наказывают?

Еще помолчал хан, лучше прежнего напустил на себя вид:

— Ваши насмешки заделли старших по возрасту, оскорбили почтенных, старых людей, к тому же мою при-

слугу: пастух-то нанялся ко мне, выгуливает мою отару, значит, вы заделли и меня, за это могу и наказать.

Ждет хан, как воспримут его угрозу. Потом смягчился, смилостивился:

— Но вы можете еще откупиться. Скажите, как все разгадываете?

Не дрогнули братья, не унизились поклоном перед ним.

Ответил старший:

— Отгадки — наша забава.

Понял его шутку другой брат и также с озорством добавляет:

— Догадка иной раз бывает лучше разума.

А младший тут же вторит братцам:

— Да, ум без догадки овчинки не стоит.

Переглянулись, перемигнулись три молодца, три мудреца, улыбнулись хану: мол, что наше — то при нас, его ни дать, ни взять, а тем паче чужому не видать.

Тут-то уж и разгневался хан, обиделся, что они языком мелют, словно помелом, и ему же чушь еще толкуют, будто ум-разум ни во что не ставят, а пробавляются лишь отгадками. Хотел было посадить в яму, запереть их в тюрьму, да одумался хан вовремя, совестно стало: ведь слух войдет, молва разнесется, дескать, три мальца одурачили, голову заморочили хану, а он слушал их да в толк ничего не взял, и за это в отместку наказал неповинных. Нахмурился, сидит, морщит гладкий свой лоб, думает: если нельзя наказать, то надо подложить им свинью. Наконец выносит приговор:

— Коль уж вы так мудры и хитры, вот вам мое испытание. Велю запереть вас в амбар, чтоб ничего не видели, да посадить повыше, на второй этаж, где ничего не слышно; угадайте тогда то, чего как раз не слышали, не видали у меня, стало быть, не знаете.

Так и было сделано по ханову приказу: отвели их в большой амбар, а утром велели приготовить ответ. Вокруг амбара попеременно ходила стража, никого и близко не подпускала. У крыльца же тайно посадили

другого, наострив уши, подслушивать мудрецов, а потом все как есть доложить, обсказать хану.

До ночи сидели мудрецы в неволе, в темном, глухом амбаре, не видя, не слыша, что делается в миру, не зная, о чем спросит их на завтра хан. Только в полночь внизу под амбаром что-то вроде закопошилось, но, кажется, тут же люди угомонили то или увесали. Да и шагов людских почти было не разобрать, так тихо, так мягко передвигались там, тогда как стража не таилась, несла службу по-старому. Послушали-подумали братцы, помолчали, смекая каждый свое, а только и сказал младший:

— Эх, нятошак не естеся и спозарапок не спитеся. Другой ему умехнулся:

— Это не беда, беда будет впереди, если ничего не распознаем.

Старший молвил, обращаясь уже к обоим:

— Сдается мне, неспроста была эта возня.

Тут, как говорится, с полуслова поняли мудрецы, — старший задание сказал, угадать велел, что к чему.

Наутро, когда занимался день и сквозь щели в амбаре пробивались яркие струйки солнечных лучей, он и попросил каждого высказаться.

Один из мудрецов выложил сначала свою догадку, показывая как раз на те самые лучи:

— Вижу, мухи тоже проснулись, полетели куда-то вниз.

Подумал второй брат над этим замечанием и говорит:

— А ведь верно, они всегда чуют, откуда вонь. Вот и скажу вам: хуже свиный никто не пахнет.

Старший тогда и решил за всех:

— Ночью, когда внизу завозились, думаю, в стайку под амбаром приволокли свинью. Наверно, откормлена была в клетушке, привыкла к тесноте. Но тварь она такая: и почесаться охота, и похрюкать во сне. Звук, хоть и приглушенно, угадывались. А почему приглушенно? Значит, посадили ее в какой-то ящик, может, и се-

ном-соломой забросали, чтоб нам не слышать ни звука. Вот вам и отгадка: подложили нам свинью. Но... как видите, мы от нее не утухли!

Услыхал их разговор слуга, побежал к хану, доложил тому все как есть. В самом деле, подложил хан им свинью, а вот, поди же, братцы отгадали! Что делать, приказал он выпустить трех молодых, привести к нему, усадил за щедрый стол, выказал им почтение: наварил мяса, налил в чаши кумысу, угостил вдоволь, накормил вдоволь. Потом хан распорядился запрячь коня в телегу и отвезти их туда, куда они сами захотят, а вознице наказал ухо держать востро, подслушивать, все же дивно было хану, как же эти молодые-мудрецы отгадывают то, что не видели, не слышали, не ведали.

Едут братья на ханской подводе и переговариваются меж собой.

— Ничего не скажешь, угостил хан щедро, простился вежливо. Только кажется мне, мясо-то, вроде, не баранина. А не накормил он нас собачьим мясом?

А другой ему в ответ балагурит словами:

— А у тебя губа не дура, язык не лопатка, чует, что горячо, что сладко. Так и мне показалось, кумыс у хана отласт немного человеческой кровью.

Послушал старший братцев и тоже говорит:

— Вы ели-запивали да морщились, видел я. Однако голод не тетка, я тоже ел. Посматривал я тем временем на хана, но тот избегал моего взгляда, отводил глаза, словно совесть его нечиста, как у душегуба. Вот и думаю, что бы это значило?

Услыхав такое, кучер мигом повернул коня назад и во всю прыть примчал их обратно к хану. Хан опять заключил братцев в неволю за оскорбление и наветы.

Однако от этого хану легче не стало: из головы не идет, гложет совесть, спать не дает, словно точит изнутри его задача, — почему же его душегубом обозвали. За собою хан такого греха лично не знал, не помнил. Потужил-потужил, да и рассказал свои сомнения престарелой матери-ханше.

Старая ханша наслышана была о трех молодцах. Разумных она уважала, сама дожила до седой мудрости. Чувала, неспроста все сказано мудрецами. Задумалась, стала припоминать давно минувшие года, уже забытые дела. И разговор ведет с сыном:

— А каким же ты мясом их угощал? Барашиной из нашей отары? Постой-ка, погоди... Много лет назад, тебе еще и в помине не было, на нашу долину навалился страшный мор, скот весь поголовно пал. А я мала была, сама возилась на потеху с двумя ягнятами — матка их отощала после родов и тоже пала. Чтоб выходить, я подпустила этих жалких ягнят к нашей ощенившейся собаке, та и выкормила их своим молоком. Те ягнята выросли, потом дали потомство, приплод приумножил нашу отару. Наверно, до сих пор гуляет в крови овец то собачье молоко. Мы не чуем, потому как привыкли к их вкусу, а вот на свеженину эти молодцы и учуяли прикус тот. Выходит, правы ребята.

— А почему же им показалось, что к кумысу примешана человечесья кровь? — допытывался хан у матери.

— Скажи, откуда слуги принесли кумыс? Не из той ли кадки в амбаре, где сидят эти молодцы? Так? Тут дело проще тогда. Сама я в этом виновата. Недели две назад я сама проверяла кумыс на вкус. Была жара сильная тогда, помнишь, поди; а в самый-то зной у меня там кровь пошла из носа. Ушла я тогда в дом, а слуге велела переставить кядку в прохладный угол, но до того, видать, капля-две крови все же попали в кумыс. От того и вкус они учуяли посторонний.

— Так-то оно и получается, напраслину на меня наговорили эти наглецы: ни в одном случае я не виноват. — гордо вскинула хан.

— Ведь и они ни в чем не повинны, — возразила ему ханша.

— Ну, тогда скажи, я душегуб, что ли?

Ханша даже отпрянула от сына, замахала руками, душа в пятки ушла: чего боялась всю жизнь, то наконец

случилось. Пришлось ей рассказать, что скрывала и от чужих ушей, и от своего сына.

— Давно, когда ты был мальцом лет пяти от роду, убежали вы с сыном нашего батрака на берег речки, а там по шалости, ненароком упал тот мальчик в воду, утонул. Помню, прибежал отец того мальчика, убитый горем, долго в упор укоризненно смотрел тебе в глаза. А ты под тяжелым его взглядом задрожал, как овечий хвостик, отвернулся и дико закричал, забился в истерике. Я потом все боялась, не случится ли с тобой припадок, э-э, бурхан, пронесло, общаюсь. С тех пор ты не выносишь прямого взгляда, отводишь свои глаза, видишь, боишься уловить невзначай тот давний укор. Ты уж прости, сынок, меня, не усмотрела, не уберегла, было такое...

Смутился молодой хан, обнял старую мать.

— За что ты просишь прощенья? Разве можно так? Не ты же в том виновата.

— Но и эти три молодца тут не причем. Зря ты их так строго судишь. Отпусти их, сынок.

— И то верно. Выходит, доказательства лучше подозрений, — сказал хан, повелел выпустить трех молодцов, трех мудрецов из заточения, повинился перед ними, пересказал даже им мудрые советы и старые истории ханши. А потом позвал он их к себе на службу, высокие должности пообещал — советниками быть при его ханском дворе. Говорят, и тут они не отвесили хану поклон, с достоинством, вежливо отпросились на все четыре стороны, захотели на воле остаться. Вот так, говорят, отказались три молодца, три мудреца от ханской милости, а жили они потом в народе, кочевали по родной долине, правда, и добра-богатства не нажили, зато остался каждый со своим умом-разумом. А ум-то, знаем, в воде не тонет, ветер его не гонит, всегда при нас, если он, конечно, есть в голове.

МЕДВЕЖЬИ ЗАБАВЫ

Может, это сказка забавная, а может, быть, хотя трудно в нее поверить. Но только говорят те, кто хаживал на охоту за байкальский хребет: далеко за тремя перевалами, мол, и сейчас стоит где-то на краю тайги неказистая избушка. Она давно вся почернела от дождей, ветров и жаркого солнца. Издалека казалось, избушка вся вросла в землю, покрылась мхом и травой. Если бы не сизая струйка дыма над крышей, над зелеными кронами сосен и елей, можно было бы подумать, что избушка эта вовсе не обитаема. Но в ней жили-поживали тогда, говорят, старый бурит — охотник и его жена, тоже дряхлая старуха. Жили они тем, что старик добывал в тайге.

Но вот однажды старик впервые не вышел на промысел. А случилось так, что в ненастный день того лета он сильно простудился, захворал-запелужил и слег. Старуха хлопотала у его постели, ходила в лес, собирала полезные травы, делала целительные настойки, отпаивала его. Уже отпылало короткое бабье лето на таежных

опушках, наступила глубокая осень, потянуло холодом, а здоровье старого поправлялось медленно.

Старик выходил из избы, уже нахлобучив шапку и укутавшись в шубу, — осеннее солнце хоть и светит еще ярко, но не греет. Он подолгу ежился во дворе на бревнах, сложенных еще с весны: летом собирался починить избу, да хворь вот эта помешала. У ног его терлась старая собака — добрая сибирская лайка. Она прищохивалась к таежному ветерку и тихо скулила. Охотник тоскливо смотрел вдаль, мимо верхушек сосен и елей, где виднелись зеленые горы, слушал шум тайги и с грустью думал, что вот и его уже одолевает старость.

Когда же ударили морозы, старик совсем перестал выходить во двор. Сгорбленный, весь седой, он сидел теперь в избе, коротая длинные вечера у очага и непрерывно дымя трубкой.

В один из таких вечеров старуха шумно поскребла деревянным половником в котле и проворчала:

— Воды осталось всего на две чашки чаю. Дожили! Завтра нечего будет залить в котел. Или ты уже не в силах носить воду? Чем сиднем сидеть и хиреть, разомни хоть старые кости.

Старику самому давно надоела эта хворь, а тут подхлестнуло старухино ворчанье. «Неужели в самом деле так уж немощен я? — подумал старик и решил: — Ахось справлюсь!»

На другой день старик встал спозаранку, сходил на речку, разбил лед, проделал прорубь, натаскал подную кадунку воды. Потом нарубил льду на речке. Когда речка промерзает в лютую стужу до дна и не будет в ней воды, можно лед оттаивать в котле. Этот запас складывал он у стены избушки, чтобы старухе удобнее было брать.

Через несколько дней старуха опять начала ворчать:

— Любишь сидеть у очага и греться, а про то забыл, что огонь поддерживается сухими дровами. Раньше и не знала забот, а теперь во дворе щепки подбираю. Нана-

лит снега, что тогда буду собирать? Чем буду топить? Слышишь меня?... Эх, старость — не радость!

Старик молча раскурив трубку, взял топор и принялся его точить. Целую неделю носил он из лесу валежник, до темноты во дворе рубил его топором. Старуха суетилась рядом, прибирая все до щепочки, носила дрова в сени, чтобы уберечь их от снега. Она потихоньку радовалась: с таким запасом топлива и зима будет не страшна. Но больше всего радовалась она выздоровление старика, который уже твердо стал на ноги и крепко держал топор.

Однако скоро старуха снова заворчала на него:

— Ты чего это слез? Думаешь, все дела переделал? А вот и я завтра с постели не встану. Мне печего задохнуть в котел: сварила последнюю косточку. Ты, бездельник, дентай, думаешь ли меня кормить?!

А старик ей негромко отвечает:

— Ох, уж ты и привередлива до невозможности. У нас есть дрова, лед. Летом запасли душистых трав. Топи очаг, вари чай из трав, пей себе на здоровье.

— Вот посмотрю, долго ли ты протянешь на одном травяном отваре! Ты хочешь меня голодом умерить? Не можешь лося в тайге добыть, так неужели вокруг дичь перевелась? Не стыдно тебе будет, если я сама отправлюсь в тайгу? — дожимала его старуха.

— Ну, разошлась, закипела, как вода в котле! Пора на ночь укладываться, а ее не убаюкаешь. Ты просто несправедлива. У меня давно боит спина и, спаяу нет, ноги ломит. Дай отлежаться, отстань! — ответил старик ей и отвернулся.

Но отлеживаться старику не пришлось. Раз припасы кончились, тут уж не до отдыха. Хоть и тяжело было вставать, но с утра все же собрался старик на промысел.

Как только открыл он дверь избушки, так и застыл на месте, пораженный увиденным. Во дворе вдруг стало белым-бело, хоть глаза зажмуривай от яркой снежной белизны. Он осторожно ступил через ворота на мягкий,

пушистый снег, шагнул дальше, обошел избу. За ним оставались глубокие, отчетливые следы. Снег покрыл всю землю, ветки хвойных деревьев, завалил крышу. «Вот и зима! — только и воскликнул громко старик. — Так вот почему все эти дни болели у меня поясница и ноги! Снегопад чуяли мои старые кости!» На звук его голоса быстро откликнулась собака. Старик отвязал ее, чтобы взять с собой на охоту, но старуха тут же забрала его. Она боялась оставаться одна в избе и собаку оставила дома.

Из тайги старик вернулся засветло, пришел без добычи, расстроенный. Он весь вечер молча сосал трубку, зябко ежился, хотя, кутаясь в доху, сидел у огня.

— Вижу, какая-то забота тебя гложет. Расскажи, может, полегчает на душе, — осторожно подседа к нему старуха.

— Я сегодня видел чужой след на своей тропе. Медведь шел за мной по пятам, — медленно проговорил старик.

— Вот и хорошо, — радостно воскликнула старуха. — Значит, он сам идет к тебе, на ловца и зверь бежит. Но почему же ты его упустил, надо было убить!

— Ишь ты какая! Скажи спасибо, что сижу тут и курю. Когда медведь-шатун выходит тебе в затылок, охотники знают, что это такое. Считай, что жизнь твоя висит на волоске. Ну, а мне просто повезло...

Старик помедлил немного, пустил дым через нос и продолжал рассказ:

— Однажды, весной, моя собака куда-то убежала надолго. Я сидел под кедром, отдыхал и не заметил, как задремал. Что-то рядом зашуршало, я открыл глаза и вздрогнул: прямо на меня из-за другого дерева встал медведь. Молодой совсем, в глазах его озорной блеск. По всему было видно: он тоже не ожидал меня встретить, а бродил здесь просто так, для забавы. Медведь протянул вперед лапы, словно хотел пожать мне руку, но я на всякий случай взялся за нож. Отступать было

поздно, я так и остался сидеть. Косолапый истолковал это по-своему и сказал мне:

— Я думал, ты испугаешься и сбежишь. Все меня боятся, потому что я, медведь, — хозяин тайги. А ты кто?

— Настоящий хозяин тайги это я, охотник, — отвечаю ему.

— Но я сильнее тебя! — И он задорно выставил грудь.

— Неужели ты сильнее? А как ты докажешь?

— Давай бороться! — предлагает он и снова протягивает мне лапы. Нет, я не пошел на это! Вот так ни за что ни про что попасть в медвежьи объятия было бы глупо. Как же быть? Что делать? Сидеть по-прежнему перед зверем было опасно. Я выщупал топор, подтянул к себе и, не спуская глаз с медведя, рынком вскопал и встал за толстый ствол дерева.

Медведь тут же кинулся за мной, но обхватил лишь кедр.

— Давай бороться! — басит он нетерпеливо, раскрыв огромную красную пасть. А я молчу и слежу за ним, жду, держа топор наготове. Тогда медведь махнул головой и яростно ударил лапой по кедру. Крючковатые когти его глубоко вошли в ствол дерева. Медведь скрипел зубами, царапался, сдирая толстую кору. Я был тоже изумлен и, наверное, поэтому страха перед зверем у меня не было. Я вдруг размахнулся и с силой вогнал топор в ствол, чуть повыше медвежьей царапины. Косолапый моментально отдернул лапу и, прижав ее к груди, в ужасе выпучил свои маленькие глазки. Он смотрел то на топор, то на нож, висевший у меня на поясе. Убедившись, что я не пытаюсь нападать, медведь криво оскалился и, медленно пятясь, сказал: «Надумался бороться, приходи сюда. Но только без топора, без ножа». Потом он нехотя убрался восвояси.

Старик замолчал и снова принялся раскуривать трубку. Старуха, ожидая продолжения рассказа, заерзала на месте и слегка подтолкнула его локтем:

— Ну?.. Что было потом? Почему ты не убил его тогда?

— Слышала же: он ушел. Может, было и хорошо, что мы мирно разошлись... Через год в тех местах я отыскал знакомый кедр, а на нем увидел новые отметины. Медведь навещался раньше меня и оставил на дереве свежие царапины, ободрал кору. Они были поглубже и гораздо выше прежних. Понятно, медведь за год вырос и сил у него прибавилось. Намек его ясен: это он вспомнил меня и снова повторил вызов. Тогда я сделал топором еще одну засечку повыше медвежьей. На третий год пришел туда, а медведь опять опередил меня. Видать, он долго кружил вокруг кедра, со злости пообрывал все нижние сучья. Новые следы когтей он оставил так высоко, что я уже их не доставал. Я сел под деревом отдохнуть да надолго задумался. Значит, думаю, он меня ищет, все хочет доказать свою силу, свое право хозяина тайги. Обозначил, видать, я его, поэтому он не отступит, все будет требовать бороться с ним. А разве мне справиться с таким могучим зверем?! Эх, три года назад и еще мог трижды перевалить за хребет, выслеживая черного соболя с самым лучшим, шелковистым мехом. На других, если похуже шкурка, и не смотрел. Но годы уходят, и силы тоже... Расстроился я тогда, долго просидел на мху у кедра и простудился. Как неосторожен я был!.. И вот всю осень прохворал... А как сегодня увидел следы, большие, черные, сразу понял: медведь все еще не забыл, все ищет меня для своей забавы.

Старуха тут всплеснула руками:

— Раз он сам ищет свою погибель, говорю тебе, убей его.

Старик покивал головой и задумчиво ответил:

— Он теперь не прежний озорной медведь, он теперь матерый зверь. Он упрям, обязательно хочет мне доказать в честной борьбе, кто сильнее, кто хозяин тайги. А иначе зачем он меня тогда пожалел, когда мог сразу наброситься и задрать сонного? Тут, старуха, коса на камень нашла. Вот и думаю: если мне не выйти с ним на борьбу, то лучше в тайгу не соваться. Все равно он выследит и нападет сзади.

— Ты что, хочешь бороться с этим хищником? Ну, совсем рехнулся! Волк ведь как ни тешился ягненком, все равно его съедает. Волк каждый год линяет, но обличья своего не меняет. А медведь чем лучше? Ты боишься, что медведь силен. Ну и что же? Я сама знаю, его не свалить голыми руками. Но придумай другое. Ага, вот! Замани медведя сюда, а тут мы засаду устроим. Проще простого здесь его завлечь и столкнуть в яму-ловушку. Так-то. Лошадь арканом ловят, а зверя — хитростью.

Старик перестал пыхтеть трубкой и, удивленно векинув брови, улыбнулся:

— Так, так... Говоришь, заманить его сюда... Хорошо, надо попробовать.

На следующее утро он уже снова был в пути. Шел по тайге легко и быстро, к нему вернулась прежняя уверенность опытного, удачливого охотника. Правда, собаку пришлось снова оставить дома, как захотела старуха.

Знакомую тропку занесло рыхлым снежком, но старик шел по приметам. Несколько раз ходил старик в тайгу, все искал следы матерого зверя. Попутно он добывал себе мелкую дичь, зайцев, коз — тем и кормились они со старухой. А когда прошел месяц, он убедился, что медведь дарно залег в берлогу и уснул до весны. Искать его было бесполезно.

Весной старик снова пришел к знакомому кедру. Охотник был теперь осторожен вдвойне, чутко прислушивался к каждому шороху. Прежде чем подойти к дереву, он внимательно осмотрелся и вдруг за ветвями отчетливо различил два торчащих уха. За ним уже кто-то следил! Старик моментально выхватил лук и приладил стрелу.

— А ну, покажись, кто ты? Или тут же пушу стрелу пониже этих ушей! — крикнул он и быстро натянул тетиву. Ветви зашевелились, и оттуда послышался густой низкий голос:

— Ты не пугай зря, опусти лук, тогда выйду.

Из-за куста, медленно переваливаясь, вышел огром-

ный медведь — весь лохматый, с застрявшими в шерсти сосновыми иголками. Хозяин тайги был сконфужен и выглядел совсем не таким грозным, как обычно. Он растерянно топтался на задних лапах, а передними водил у носа, чесал за ушами, словно хотел их оторвать за то, что они выдали его.

— Я тут задремал малость, поджидая тебя. Долго же тебя не было! Ну, здорово, старый! — гудел медведь и разводил лапы в стороны.

— Это ты, косолопый? — спросил его старик.

— Я-а! Ну что, будем бороться?

Но старик вместо ответа достал трубку, набил ее табаком и стал раскуривать, всем своим видом показывая, что ничуть его не боится. Он нарочно тянул время, стараясь не спеша обдумать, как же заманить медведя к себе поближе к дому. Старик пыхтел трубкой, и все его лицо окуталось густым серым дымом. Медведь удивленно смотрел на это и никак не мог понять, почему старик выпускает изо рта так много парю. Он тоже приоткрыл пасть, попытался так же выдохнуть из себя пар, но у него ничего не получилось. Тогда медведь, подойдя поближе, с любопытством принюхался, втянул в себя дым и сразу зачихал, закашлялся. Он в досаде прикрыл морду лапой и растерянно отошел. Старик посмеялся над незадачливым зверем и говорит ему:

— Ты, косолопый, все торопишь меня, хочешь схватиться со мной. Это только дикие звери, как сойдутся, так спешат показать свои злые повадки — впадают друг на друга, рычат, грызутся. А у нас, у людей, все по-другому. Мы по уму-разуму судим, кто на что горазд, кто сильнее.

— Что ты, старый, заговариваешь мне зубы! Сперва чуть дымом не отравил, а теперь про какой-то ум-разум заладил. У нас в тайге только сила и есть закон. Кто сильнее всех, тот и живет спокойно. Потому я и хозяин тайги, что все звери знают мою силу. И тебе я хочу это доказать:

— А я ведь тоже не обделен силой. Я признаю силь-

нами тех, кто вот эти деревья одним ударом валит на землю. А ты сможешь ли?

Старик лукаво смотрит на медведя: что же тот ответит? Но косолапый не заставил долго ждать. Выпятив грудь, он хлопнул в лапы, готовый немедленно приняться за дело.

— О-о! Это по мне! Люблю, когда надо силу приложить. Давай, старый, попробуем.

— погоди, медведь, у нас говорят: «Послешаешь — людей насмешишь». Думаю, и дурак свалит дерево. Но надо это делать умело: валить дерево надо в ту сторону, откуда вывезти их легче, и чтобы пни оставались невысокие, не выше колена. Кто так сумеет, тот и выигрывает. Вот мое условие: деревья валить, а не верхушки сшибать.

Трудную задачу задал старик. Медведь никак не может взять в толк, как надо свалить дерево и оставить ровный, низкий пенек. Пока он думал, старик и говорит:

— Ладно, косолапый, уже темно стало. Лучше мы сейчас разойдемся по домам, а завтра проверим друг друга. Встретимся здесь же.

Поскольку медведь ничего не успел еще придумать, он согласился.

Утром они сошлись как старые приятели.

— Ну, косолапый, ты хозяин тут, тебе и начинать, а я пока отдохну с дороги. Выбери любое дерево и вади, — сказал охотник и, хитро прищурившись, отошел в сторону, присел, притулившись к кедру. А потом еще добавил:

— Я себе вот это выбрал, его и свалю. И ты такое же толстое выбирай.

— А ты смотри! — сказал медведь и тут же свалил молодое деревце.

— Э-э! Стой! Ты не все подряд. Я же сказал, выбирай, но выбирай потолще, — кричит ему охотник.

— Какое, покажи! — рычит косолапый.

— Вот, то! Оно покренче!

Медведь рывкнул, размахнулся и со страшной силой

ударил по стволу кедра. Дерево затрепало и переломилось там, куда пришелся удар. Высокая крона медленно зашаталась, а потом, ломая сучья, грохнулась на землю. Старик всякое перевидал на свете, но такое, чтобы смаху свалить дерево, не видел. Подивился старик и встал.

— Ну, видать, теперь мой черед, — сказал старик. — Иди, косолапый, смотри!

Но медведь ничего не слышал. Он в это время стоял, держа лапу в насти, и дул на нее, словно маленький ребенок, ошалея от боли: лапа совсем занемела, боль отдавалась даже в лопатках, и у него пропало всякое желание сшибать деревья.

Старик стал у дерева, приосанился, поднатужился и толкнул ствол. Сначала закачалась лишь верхушка кедра, а затем ствол стал медленно падать. Через мгновение огромное дерево с шумом, с треском рухнуло на землю. Старик подошел к другому кедру, и второе дерево, треща, задевая ветки соседних деревьев, свалилось рядом. Дело было сделано. Старик позвал косолапого приятеля, показывая ему пни, но тот замаха лапами.

— Что молчишь, косолапый? Ну, чья взяла? — лукаво спросил его охотник.

Откуда было знать медведю, что хитрый охотник ночь не спал. Он изрядно потрудился в лесу, готовясь к сегодняшнему состязанию. Умел был старик, смекалист, знал, что делать. Оставшись на ночь здесь, он подрубил деревья. И эти подрубленные кедры до поры до времени стояли как ни в чем не бывало. А ему оставалось потом приложить лишь небольшое усилие, подтолкнуть их, чтобы они рухнули наземь. Зарубки же охотник прикрыл мхом и корой. Вот и вся хитрость.

Медведь ничего этого не знал и ни о чем не догадывался. Он только что видел, как старик валит деревья, видел, что тот сделал это лучше и ловчее его, но все еще не мог поверить в его силу. Вернее, уступать ему не хотел и не желал примириться с поражением. Он просто молчал, пока не утихла боль под лопаткой.

А охотник придумал уже новую уловку для медведя.

— Скажи-ка мне, — говорит он косолапому приятелю, — сможешь ли ты выжать сок из камня?

— Как это? Разве бывает в камне сок? — недоумевает медведь.

— Бывает. Сок есть во всем, что вокруг нас. Вот смотри.

Старик обломил зеленую веточку, надрезал ногтем тонкую кору, и тут же на ней выступила светлая капля. Он показал это медведю.

— Видишь? А теперь ты возьми камень да жми сильнее.

Медведь взял камень и крепко сжал его, так сжал, что когти хрустнули. От боли он вздрогнул. Однако ни капли сока он не смог выжать из камня.

— Не можешь? — дразнил его старик. — Я не то что у камня, у скалы выбью мозги. Не веришь? Хочешь посмотреть, как я это сделаю? Очень просто сделаю, вот этой рукой.

— Как? Ладой прямо по камню? Но это же больно! — медведь неуклюже прятал ушибленную лапу в лохматой шерсти.

— Да, больно. Но, если боишься разбить лапу, можно и камнем. И не забывай, надо по макушке скалы так ударить, чтоб брызнули из нее мозги, — объяснял ему старик. — Вон тот утес видишь, там верхушка совсем голая, вся из камня. Пойдем, я тебе покажу, как выколачивать мозги из каменного утеса.

Старик нарочно вел медведя на ту скалу. Она находилась на пути к его дому, а оттуда он надеялся заманить косолапого в ловушку. Конечно, охотник мог расправиться с ним в любое время, но тогда ему пришлось бы тащить добычу так далеко. Без лошади это было почти невозможно.

Медведь лез на крутой утес напрямик, через глыбы и кустарники. Заслышав его хриплое дыхание, птицы испуганно бросали насиженные гнезда и взлетали в небо. Старик отстал от него. Но он не спешил. Словно на прогулке, он внимательно приглядывался к птицам, при-

мечал откуда они вспорхнули, потом шел туда, отыскивал их гнезда и зачем-то собирал птичьи яйца. А медведь давно достиг вершины скалы, успел отдышаться, отдохнул.

— Эй, старый! — кричит он сверху. — Хватит развлекаться, поднимайся.

— Сейчас! Иду! А ты пока начинай! Вон тот утес колоти, да сильнее, может, чего и выколотишь!

Медведь недоуменно ходит вокруг утеса и не знает, что делать. «Где тут у него мозги? Может, под этими камнями? — гадает про себя и ворочает огромные глыбы. — Пока не пришел старик, надо все кругом осмотреть». — думает он и обнюхивает свежую землю, разрывает дерн. Но ничего он не нашел, только когти обломал, исцарапал всю шкуру на лапах. Но тут вдруг вспомнил, что старик говорил про макушку. «Значит, — соображает медведь, — надо искать там же, где у всех животных. Мозги у скалы на самой макушке! Ага! Я сейчас раздроблю ее!» — решает он и шумно вопит. Медведь берет камень и с силой швыряет его об утес. Камень разбивается вдребезги, от скалы тоже отлетают мелкие куски, но никаких мозгов не видно. Разозлился медведь еще пуще, сердито урчит, берет еще больший камень и начинает долбить утес. Но камень весь искрошился, раздробил ему лапу, а между когтями уже просочилась кровь. От такой бесполезной работы уже рябит в глазах. Медведь еще сильнее бьет по утесу, но тут же, жутко застонав от боли, принимается лизать окровавленную лапу.

Когда подошел старик, медведь сидел весь потный, обессиленный, жалкий. Съжившись, он гладил больную лапу.

— У-у... Не сладко тебе. Уработался, бедный. Что же, посмотри теперь на мою работу, — хитро улыбнулся старик.

Подойдя к утесу, охотник далеко отвел руку и ударил кулаком по каменной скале. В тот же миг послышался негромкий хруст. Медведь подумал, что это паль-

цы старика треснули. К его изумлению, по руке охотника потекли серые с желтизной, густые, словно мозги, струи.

— Смотри, косолапый! — бодро кричит ему охотник, опять размахивается и бьет. Медведь не успел и моргнуть, как в глаза ему брызнула от скалы тягучая смесь. Он брезгливо оскалился, отвернул морду и замахал перед носом лапами, снимая налипшую желто-серую массу. А старик выбрал из-за пазухи последнюю горсть яиц, но медведь ничего не видел. Он и в первый раз не замечал, как держал старик в кулаке яйца и давил их об утес. Охотник только делал вид, что сильно бьет рукой, а на самом деле разбивал о скалу птичьи яйца, от которых по камню и по руке его растекалась мутная жидкость.

— Вот, приятель, как надо бить! А ты, глупый, хотел гору обнять, да, видать по всему, лапы у тебя коротки! — засмеялся старик над медведем.

Точно стадо медведю от наемешек старика, прямо уши бы закрыл, чтоб не слышать, да лапа болит. «Столкнуться, что ли, его вниз со скалы? — подумал зверь. — Или взять камень и размозжить ему голову?» Только он повернулся, чтобы нагнуться за камнем, как тут же закричал челюстями: от резкого движения кольнуло под лопаткой и защело плечо. «Нет, теперь мне не одолеть охотника этой больной, покалеченной лапой», — с горечью подумал медведь.

— Смотри, косолапый, вон моя избушка. Дымок тянется над ней. Это старуха моя варит чай и ждет меня. Пойдем ко мне в гости? — предложил медведю охотник.

Но медведь боязливо покрутил мордой:

— Моя берлога совсем рядом. Пошли лучше ко мне, я тебя приглашаю.

Пока они старались уговорить друг друга, в тайге уже стало темно: сгустились вечерние сумерки. Идти домой без добычи, когда медведь почти в его руках, старик не хотел, да и боялся упустить добычу. Пришлось

пойти за зверем. «Там что-нибудь придумаю», — решил охотник и пошел.

Дошли они до медвежьей берлоги, и тут охотник остановился в изумлении. Много лет ходил он по тайге, не раз бывал у логова медведя, но такое видел впервые: вход в берлогу был обнесен частоколом. Старик считать и насчитал целых двадцать два кола. На каждой жерди он с ужасом увидел подвешенные черепа. Чьи они были — овечьи или еще чьи, в темноте невозможно было различить. Медведь на его глазах взял еще один кол, с силой воткнул его рядом с другими и как ни в чем не бывало учтиво показал лапой дорогу, приглашая в свою берлогу. А старик не торопится туда, молча достает трубку и, присев у входа, закуривает. Тогда медведь ему говорит:

— Понимаешь, у меня плечо ност, сходи ты за водой, а я ужинать соберу. Возьми эти ведра, а вода рядом, в ручейке.

И медведь в это время скрылся в берлоге. Старик медленно подошел к двум большущим ведрам — деревянным бадьям — притронулся к ним, но даже оторвать от земли их не сумел. «Ого! эти ведра тяжелее быка!» — успел он подумать и быстро оглянулся: не подсматривает ли за ним медведь.

— Э-э... Плохой ты хозяин, косолапый, если у тебя дома нет даже водицы. Нет, я за водой не пойду. Я лучше пушу сюда ручеек, и вода сама потечет тебе прямо в берлогу, — громко сказал охотник.

Как услышал это медведь, сразу выбежал наружу.

— Нет, — закричал он испуганно. — Ты же зальешь мне всю берлогу! Пусть ручей течет сам по себе. Мне не надо такой услуги! И не заливай водой мою берлогу!

Медведь стал все делать сам. А после ужина он завалил выход из берлоги огромным камнем и указал гостю угол, где тот должен был спать. Старик поворошил ветки, проверил нож, положил под голову топор и улегся. В берлоге было душно, пахло гнильем, хоть нос затыкай. Да и сон не шел: старик все думал, для чего мед-

ведь воткнул еще один кол у своей берлоги. «Это наверняка для моего черена», — решил он наконец.

А медведь, довольный, лежит в другом углу. Еще бы, ведь ему удалось уговорить своего обидчика и привести к себе домой. И вот он здесь, а выход из берлоги надежно завален. Старик в его лапах, это уж точно. Он отсюда не вырвется. Завтра его можно и съесть, а сейчас надо отдохнуть. Приятные думы ублажали медведя, он тяжело засопел и, наконец, уснул.

Старик ждал этого момента. Услышав ровный храп, он понял, что зверь уснул и уже, стало быть, не представлял опасности. Он осторожно поднялся, неслышно подошел к выходу, но сколько ни пытался отодвинуть камень, не сумел даже его шевельнуть. Неужели нет отсюда выхода? Но тогда как же выйти на свободу? По-нуру опустив голову, старик пошел в свой угол. Вдруг он споткнулся о небольшое бревно. Испугался старик: не потревожил ли среди ночи хозяйна? Что же будет, если тот проснется? Как упал старик на колени, так и застыл. Но в том углу, где спал медведь, по-прежнему раздавался безмятежный храп. У старика отлегло от сердца. «Та-ак, кажется, на этот раз пронесло. Не знаю, что задумал медведь, но мне обязательно надо припасти для него еще одну загадку», — соображал про себя старик. Он поднял бревно, о которое споткнулся, отнес туда, где лежал до этого, положил вместо себя на ветки, накинул на него свою шубенку. Пусть медведь думает, что это старик спит по-прежнему. А сам отошел подальше в сторону, притаился. Прохладно было без шубы, да и спать хотелось после стольких забот и тревог, однако приходилось волей-неволей терпеть. Ведь убить медведя он не может, — без его помощи камень не отвалить и не выйти отсюда.

В полночь медведь заворочался, зашуршал сухими ветками — подстилкой и вдруг прыгнул как раз туда, где должен был спать старик. Он стал яростно топтать, прыгать, колотить лапами. Долго он колошматил то бревно, пока не вспотел. Когда устал, осторожно обнюхал

шубенку: наверное, проверял, жив ли старик? Но разве бревно или шубенка могут дышать?

Медведь решил, что он уже выколотил дух из своего гостя, поэтому успокоился и завалился спать в своем углу на старых ветках.

— Ну, спи, спи, косолапый! — усмехнулся старик, выйдя из своего укрытия. — Не тот борец, кто поборол, а тот, кто увернулся. Вот так-то, — сказал он тихо сам себе. Затем поднял затрепанную шубейку, оделся в лохмотья, унес на прежнее место бревно и тоже улегся спать.

Утром медведь громко зевнул спросонья, с наслаждением потянулся и, не разлепив еще век, стал мечтать: «Сейчас зарюю этого дохлого старика, спрячу понадежнее. Съесть его я всегда успею».

Но тут совершенно неожиданно рядом раздался бодрый человеческий голос:

— С добрым утром, хозяин! Как отдохнул?

Медведь, как оглушенный, сразу обмер. Пасть его раскрылась, будто челюсть отпала сама, и язык вывалился наружу. Быть такого не могло! Он ушам своим не поверил. Не соображая ничего, он кос-как добрал до выхода, отвалил камень, чтоб пустить в берлогу свет, и увидел: перед ним стоит все тот же старик, живой и неразделимый. Медведь вытаращил глаза и насилу выговорил:

— А-а... К-как... ты?

Старик сделал вид, что не заметил замешательства своего косолапого «приятеля», и с невнятным видом, сидно так проговорил:

— У меня что-то в боку закололо. Жестко, что ли, постелил? А может, ты, дружище, пошалил ночью да помял мне ребра?

Медведь покрутил головой и смущенно отвел глаза: он ничего не смог ответить, от стыда даже язык прикусил. Старик снова хитро так подмигнул.

— Ладно, придется всем зверям объяснять, что я тут у тебя простудился, — слукавил старик, а сам с насмеш-

кой поглядывает на «приятеля». — А то ведь не поверят, что ты меня обнимал, да силенок не хватило задавить меня.

— Зачем говорить зверям? — медведь не на шутку забеспокоился. И вдруг нагнулся, взял первый попавшийся камень и подал его охотнику.

— На, лучше прибеги меня на месте, только не позорь, — жалобно попросил он.

— Не-ет, косопалый, мы с тобой еще не боролись. Рано тебя бить. Если хочешь меня одолеть, приходи к моей избушке. Там, на поляне, мы и сойдемся с тобой. А моя старуха, да и все таежные звери, пусть посмотрят на нашу забаву. Камень же прихвати с собой. Если свалишь меня, он тебе и пригодится, чтобы добить меня.

Охотник опять ехидно подмигнул медведю, откатыл ему под ноги бревно и, быстро выйдя из берлоги, удалился. «Ну, кажется, жив-здоров! И на этот раз пронесло! Теперь — без оглядки домой. А медведь от меня не уйдет. Я его логово знаю, отсюда его выкурить — не задача. Прихвачу с собой собаку, приготовлю волокуши, а может, и людей созову для компании», — так думал охотник и спешил домой.

А медведь пришел в себя только тогда, когда еле успел увернуться от катившегося бревна. Посмотрел на это бревно, вспомнил лукавые глаза старика и все понял: охотник и на этот раз его одурачил. Медведь ощерился в бессильной злобе, заскрипел зубами, замахал грозно лапами, но... старик-то ушел.

Придя домой, охотник даже чаю не успел выпить и рассказать о своих приключениях, как во дворе тревожно залаяла собака.

— Что ей не лежит в конуре? Ведь только сейчас ее покормила. Верно говорят, собака пока три раза не повернется и не тявкнет, так не уляжется. Замолчи! — крикнула в досаде старуха.

— Подожди, тут что-то не так! Дурная собака днем гавкает, а наша-то сибирская лайка — охотничья, почему

зря голоса не подаст. Что-то, наверное, учуяла, — сказал старик и выглянул в окно. — Смотри! Мой косопалый приятель идет!

Увидела старуха медведя, всполошилась, заметалась по избе, заохала.

— Не волнуйся ты, старуха. Сама ведь говорила: на ловца и зверь бежит. Вот и я думаю подпустить его ближе да выпустить в упор стрелу. Давай, старуха, заводи собаку в сени и запирай плотно дверь. Думаю, медведь сам завалится в яму-ловушку.

Медведь услышал голос старика, остановился и стал принюхиваться, приглядываться, где же яма? Но тайник был прикрыт прутьями и ветками и слегка засыпан землей, его трудно было разглядеть...

Боясь упасть в яму-ловушку, медведь немного растерялся. Старик тем временем открыл дверь, натянул тетиву своего лука, но тут выскочила собака, залаяла отчаянно и бросилась к зверю. Медведь успел швырнуть тот самый камень. Собака испугалась, да и старик замешкался, а зверь поспешно скрылся за деревьями. Собака понеслась за ним, надсадно рыча, но близко подбегать боялась, оглядывалась — успевает ли за ней ее хозяин.

Запыхавшись от быстрого бега, медведь тяжело дышал; шатаясь от усталости, ломал хвойный подрост, лез напролом в чащу таежную. Ворона услышала шум внизу, каркнула сверху во все горло. На соседнем дереве сойка встрепенулась, задергала хвостом, часто застрекотала. Медведь еще больше испугался, подумал, что весь этот шум поднялся потому, что таежные птицы, сидя на дереве, увидели бегущего за ним охотника. Да и собачий лай по-прежнему раздавался где-то близко. Тут он совсем рядом услышал шорох в кустах и частое дыхание. Ему показалось, будто охотничья собака его нагоняет. Он снова пустился во всю прыть.

Вдруг медведь ясно различил волчий глухой голос: — Эй, хозяин тайги! Что случилось? Почему все у нас

годятся его острые зубы. Он нас не выпустит отсюда, а медведя сам загрызет, полакомится вдоволь и убежит. Поняла теперь, что волк задумал?

— Поняла!

Медведь слушает и не верит своим ушам. Однако услышанное так задело его, что он разъярился пуще прежнего. Медведь покосился на волка, а тот, в самом деле, прижался за угол, клацает зубами. «Ах, какой нахал! Он спрягался, а я стою у двери. Вдруг охотник выскочит, да и бухнет топором меня по макушке? Выходит, старик-то прав. Нет, волк, ты меня не проведешь! Не быть по-твоему! Вперед я тебя задавлю!» И медведь тут же бросился на волка. Тот хотел увернуться, но прут на шее затянулся, придушил его, и волк, оскалив клыки, стал огрызаться.

— А-а! Ты еще будешь кусаться! — медведь не стерпел такой наглости, двинул лапой, волк и покатился кубарем. Медведь — за ним: они ведь были привязаны друг к другу.

Охотник увидел, как звери сцепились меж собой, выскочил и ловко пустил стрелу, да так метко, что попал медведю прямо под лопатку. Тот зарычал свирепо, поднялся на дыбы, но от боли ничего не видел — в глазах потемнело. Сделав два-три шага, медведь провалился сквозь ветки в ту глубокую яму-ловушку, давно вырытую охотником, свалился, увлекая за собой и волка.

Охотник тут уж не мешкал. Взяв жердину, принялся колотить ею что есть силы. Забил он зверей, а потом закричал торжествуя:

— Иди сюда, старуха! Помоги вытащить добычу. Тут есть тебе и унты, и воротник — что хочешь. А мне хорошая доха из медвежьей шкуры!

На том и закончились медвежьи забавы. Долго еще жили в той ветхой таежной избушке охотник и его старуха, долго еще охотнику сопутствовала удача на промысле, потому что во всем помогали ему хитрость и смекалка.

Аполлон Миконьявич Шадаев

ТРИ МОЛОДЦА ТРИ МУДРЕЦА

Сказки

Перевод Юрия Будаева

Редактор Ю. Г. Богомолов
Художественный редактор П. С. Гурьянов
Технический редактор С. Ф. Ванчикова
Корректор Е. Ш. Пинтеева

ИБ № 1438

Сдано в набор 30.04.85. Подписано в печать 08.07.85.
И-04636. Формат 60×84/16. Бум. тип. № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 1,86. Усл. кр.-отт. 2,32. Уч.-изд. л. 1,7. Тираж 100 000. (1-й завод 1—40000). Заказ 237. Цена 10 коп.

Бурятское книжное издательство, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Советская, 25.

Республиканская типография Государственного комитета Бурятской АССР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Борсоева, 13.

Художник
Олег Цыремпилов

Шадаев А. И.

Ш-16 Три молодца, три мудреца. Сказки: Перевод Ю. И. Будаева. — Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1985. — 32 с., ил.

В этой книге читателям предлагаются только две сказки классика бурятской литературы А. И. Шадаева, но их у него много.

«Медвежьи забавы» — одна из традиционных бурятских сказок о животных, о повадках птиц и зверей.

Заглавие книжки дала популярная сказка «Три молодца, три мудреца». Народ любит такие предания об умных молодцах, веселых балагурах, никогда при этом не теряющих здравого смысла, умеющих, благодаря смекалке и хитрости, всегда находить выход из любого испытания.